

Алекс Вернер

Суд над вдохновением

Глава первая

Меня зовут Айзек. Просто Айзек. Я жил на девятом этаже только по той причине, что моя покойная жена выбрала эту квартиру. Я же возненавидел эту конуру ещё с самого начала. Я никогда не хотел жить так высоко. Меня периодически посещали мысли о том, что однажды, когда я буду курить, сидя на подоконнике, то рано или поздно я обязательно упаду вниз. А после падения я превращусь в одно большое пятно неопределённой формы. Но всё же мы решили заселиться в эту квартиру и на протяжении долгих лет жили довольно счастливо.

Я посмотрел на свой ковёр в гостиной. На нём так и оставалось вчерашнее засохшее пятно от вина. Но мне совершенно не хотелось его оттуда удалять. Если бы моя жена была жива, то это пятно на ковре определённо не имело никаких шансов на существование. Я взглянул на него ещё раз, чтобы лишний раз убедиться в том настолько сильно ему удалось присохнуть.

Глядя на это пятно, мне в голову пришла мысль о том, что две недели назад у меня всё ещё

были деньги для того, чтобы купить себе эту проклятую бутылку вина. Я потратил последние двести долларов, чтобы приобрести бутылку вина, большую часть которой, выпил, ковёр. Стоимость ковра автоматически возросла в несколько раз.

Я живу в этом доме вот уже на протяжении двадцати лет. На одном и том же этаже, в одной и той же квартире. Мне пришлось взять кредит, за который мы с женой расплачивались в течении шести лет. Моя жена Молли всегда умела откладывать деньги на любой случай жизни.

Я помню, как мы впервые сюда приехали. Это было шесть лет назад. Не успели мы распаковать наши вещи, как моя жена тут же пошла осматривать кухню. Кухня была хоть и небольшая, но довольно уютная.

Молли всегда готовила очень вкусно, но слишком много как на нас двоих. Детей у нас не было. У Молли было бесплодие.

Иногда по ночам я слышал, как она плачет. Скорее всего, это было именно из-за того, что она не могла родить своего собственного ребёнка, но о котором она так долго мечтала.

Всю свою нерастрченную материнскую заботу она отдавала другим, порой совершенно незнакомым людям. На следующий день, после того как мы заселились и только успели распаковать несколько сумок, Молли приготовила

кексы с изюмом. Целый день она стояла на кухне не разгибаясь. Этот чудесный шоколадно-ванильный аромат наполнил всю квартиру.

После этого она поспешно начала куда-то собираться.

— Молли, ты ведь отлично знаешь, что я ненавижу изюм.

Я достал из маленькой тумбочки вилку и собирался использовать её для выколупывания ненависного изюма. Но не успел я дотронуться к горячей выпечке, как Молли тут же ударила меня по руке лопаткой для торта.

— Это не для тебя, Айзек.

Я с грустью окинул взглядом кексы.

— Айзек, ты не помнишь случайно, куда я положила ванилин?

Я покачал головой. Как только Молли нагнулась для того, чтобы поискать ванилин на самой нижней полке шкафа, у меня появился шанс на то, чтобы незаметно взять один кекс.

— Ах, вот он где, — сказала Молли, держа в руках баночку с ванильным сахаром.

Она присыпала пудрой оставшиеся на тарелке кексы. Надеюсь, что она не заметила пропажи одного кекса. Каждый раз, когда она готовила что-то для других, мне приходилось запасаться вилкой и огромным терпением. Но с этим ничего не поделаешь, ведь большинству людей так нравится

этот проклятый изюм.

Молли одела своё выходное платье. После чего она пошла знакомится с нашими новыми соседями. У моей покойной жены коммуникативные навыки всегда были развиты гораздо лучше, чем у меня.

Вернулась она только к вечеру. Но она уже могла рассказать биографию каждого здешнего жильца, что она и делала в течении часа. Периодически она переспрашивала меня внимательно ли я её слушаю или нет. Я всегда утвердительно покачивал головой только для того, чтобы мне не пришлось переслушивать историю с самого начала.

Я спросил её о том, довольна ли она результатом своего непереборимого желания знать всё и обо всех.

— Теперь ты уж точно знаешь о наших жильцах больше, чем полиция. По-моему, им стоит взять тебя к себе в напарники.

Она улыбнулась.

Я никогда не одобрял излишней открытости моей жены, так как знал, что это может быть опасно. Но Молли всегда делала это только с самыми лучшими намерениями.

— Знаешь, Айзек, все соседи такие милые. Есть, конечно, же парочка которую стоит избегать, но я уже тебе о них рассказала. Все соседи с

удовольствием шли на контакт. И всем им очень понравились мои кексы. Некоторые женщины даже просили поделиться с ними рецептом. Кстати, я и тебе парочку оставила.

После этого она сделала небольшую паузу, словно переводила дыхание. Только одну дверь, которая была прямо напротив нашей, ей никто не открыл. Она настойчиво звонила в дверь, но когда она дёрнула за ручку, то оказалось, что там было не заперто. Молли вошла во внутрь.

Я увидел, как её лицо в один момент приобрело совершенно другой оттенок. Так, словно она увидела в этой квартире самого Сатану.

Когда же я ненавязчиво спросил её о том, кто живёт в 38-й квартире, то она посмотрела на меня взглядом, который был наполнен ужасом. Молли ничего не ответила. Она просто сказала, чтобы я всячески избегал эту квартиру и ни при каких обстоятельствах туда не заходил.

Я не понимал по какой причине мне стоит избегать именно эту квартиру, но, учитывая тот факт, что в ближайшее время я собирался избегать всех моих соседей, это было не так уж и трудно выполнить.

Но вот уже на протяжении двух лет я вдовец. Я всё смотрел на свой старый ковёр, который мы купили с моей женой. Порой мне так не хватало её долгих разговоров ни о чём. Она любила говорить

обо всяких глупостях, но при этом она всегда очень много смеялась. Молли была очень доброжелательна к другим людям.

И хотя эта крохотная квартира мне порядком надоела, я не хотел её покидать. С тех пор, как я сюда заселился этот дом поменял множество своих жильцов. Порой мне казалось, что сам дом выбирает тех, кому он позволит оставаться внутри его стен, а кого-то пытался выгнать всеми силами. Дом никогда не проигрывал.

Каждая вещь в этой квартире напоминала мне о моей покойной жене. Но всегда находились те люди, которые не знали о том, что Молли умерла. И когда я, как бы невзначай, говорил им об этом, они высказывали мне свои глубочайшие соболезнования. Так как буд-то бы их поверхностная жалость на что-либо влияла. После того, как Молли умерла каждый мой следующий день был похож на предыдущий.

И хотя многие соседи приглашали меня прийти к ним в гости, я всегда вежливо отказывался. Они ведь довольно неплохо знали мою жену и, скорее всего, думали, что я довольно милый старик. Возможно, это было именно так. Где-нибудь в глубине души. Я не хотел порочить добрую память моей жены, поэтому всегда отказывался от подобного рода предложений.

Глава вторая

Я посмотрел на часы. Было три часа ночи, но я никак не мог уснуть. Я подошёл к книжному шкафу, на котором всегда было полно пыли, и достал оттуда первую попавшуюся книгу. Я думал, что это поможет мне уснуть. Я уселся в кресло, укрылся одеялом и позволил книге завладеть моим вниманием.

Когда я проснулся, то увидел, что книга, которую я вчера читал, лежала на полу всего в нескольких метрах от меня. Кажется, что я уснул за чтением. Я попытался вспомнить, о чём была книга, но мне не удалось вспомнить даже одной строчки из этой книги. Было уже утро. Я решил пропустить завтрак. Аппетит у меня всё равно отсутствовал. Я решил, что неплохо было бы выбросить весь тот мусор, который накопился за целую неделю.

В подъезде слышались какие-то странные стуки. Скорее всего, этот шум доносился из квартиры напротив. Я вдруг вспомнил о том, что моя жена когда-то сказала мне, чтобы я ни под каким предлогом не заходил в эту квартиру. От неё мне удалось узнать, что там живёт довольно молодой и застенчивый парень, которого звали Хьюитом.

Он жил напротив моей квартиры. Несколько раз мне даже приходилось его видеть. Он всегда

был неразговорчивым. Никому и никогда не удавалось вытянуть из него больше двух- трёх предложений. Большая часть его лица всегда была прикрыта чёрным капюшоном. Поэтому я не имел ни малейшего понятия о том, как он выглядит. Все что я о нём знал, так это то, что ему двадцать восемь лет и, что большую часть своей жизни он потратил на то, чтобы стать великим художником.

Я никогда не интересовался миром искусства, но он был не похож, ни на кого из тех людей, которых мне когда-либо приходилось видеть. Мне даже было интересно, какие чувства испытывал этот парень, когда работал над очередной картиной, о чём он думал большую часть времени?

Он всегда ходил сгорбленный, наверное, из-за того, что он всегда носил свою огромную сумку через плечё. Он всегда придерживал ей одной рукой так, как будто бы в его сумке и вправду находилось что-то важное. В сумке определённо находилось что-то тяжёлое. И хотя он выдавался достаточно скрытным, но никакого негатива я к нему не испытывал. Может потому что он чем-то был похож на меня.

Мне он всегда казался достаточно вежливым молодым человеком. А я привык доверять своему первому впечатлению. Только на него я и положался на протяжении всей моей жизни. Как показывала моя жизненная практика, в большинстве случаев

люди являлись именно теми, какое впечатление они у меня оставляли после первых минут общения. Если же мои предположения не оправдывались, то я предпочитал не вдаваться в бессмысленные рассуждения об истинном лице других людей.

Хьют был интровертным и довольно замкнутым юношей. Но узнать его получше мне довелось далеко не при лучших обстоятельствах. Но об этом я расскажу немного позже.

Каждый раз, когда Хьюит наталкивался на меня в коридоре подъезда, он всегда сильно нервничал. Ему всегда сатновилось стыдно, когда по его косвенной вине он причинял кому-либо неудобства. Можно было даже заменить как несколько капель пота падают у него с лица. Это было слышно. Потому что увидеть что-нибудь в этом подъезде было просто невозможно. Горящих лампочек не было даже тогда когда мы только заселились, но старожилы ещё поговаривали о том, что когда-то их меняли каждый месяц. Я с большим трудом мог в это верить, но всё же, мне хотелось, чтобы это была правда. Из-за этого с некоторыми жильцами дома мне приходилось сталкиваться лоб в лоб. По какой-то неизвесной мне причине чаще всего я натыкался на Хьюита. Точнее, он на меня. Он всегда находился в каки-то своих собственных размышлениях. По этой причине его мозг автоматически отключался от происходящей

действительности. Если в подъезде он ненароком на меня натыкался, то всегда при это произносил:

— Доброе утро, господин Валовски. — Или же. — Простите, господин Валовски, — говорил он после того как чуть не сбивал меня с ног. К счастью, я был ещё не настолько дряхлым стариком и ещё довольно крепко держался на ногах.

Этот парень всегда находился в каких-то глубинных поисках чего-то. Думаю, что он и сам не до конца осознавал, что же ему нужно на самом деле. Возможно, он был в поиске смысла жизни.

Было ясно только одно — своими мыслями он никогда не был привязан ни к одной твёрдой поверхности. Хьюит пытался выйти за все известные рамки существующих норм. Он был в поиске своего Вдохновения.

Когда я был молод, то провёл не один час в надежде на то, что рано или поздно мне откроется истина моего существования. Что я смогу понять смысл того, зачем человеку дана жизнь. Но за то время, что я потратил, мне удалось осознать лишь одно — как безжалосно называет время тех, кто не ценит того времени, что отведено нам для счастья. В своей, как мне казалось, вынужденной изоляции я потерял большинство своих друзей. И только моя жена всё это время была со мной. Я думал о том, как многое я потерял за то время, которое мог использовать с гораздо большей

пользой. Я просто мог любить тех, кто всё это время находился рядом.

Мне было немного жаль Хьюта. Может быть, что некоторые вещи были недоступны для его понимания в силу его юного возраста. Видимо, он надеялся на то, что рано или поздно ему всё-таки удастся что-нибудь обнаружить. Найти что-то особенное в себе или в других людях. Он верил в свою исключительность, талант, особый дар, а все неудачи списывал на внешние факторы. Но всё, что ему удалось найти так это безумие.

Глава третья

Я всегда думал, что моя жизнь не сложилась. Такие мысли приходили ко мне сразу же после окончания очередного рабочего дня.

Последнее время я ложился в кровать не снимая верхнюю одежду. Утром же, немного пригладив одежду утюгом, в тех же брюках и нестиранной рубашке я отправлялся на работу. На мой внешний вид всё равно всем было наплевать. Если бы со мной была Молли, то она бы никогда не позволила такому произойти. Она стащила бы с меня всю грязную одежду даже если я был бы мёртв.

Сегодня у меня был выходной. Планов никаких не было. Единственное, что я знал наверняка так это то, что сегодня я ни под каким

предлогом не собирался вставать с постели. Но мне пришлось проснуться из-за того, что кто-то довольно настойчиво стучал в мою дверь. И было похоже на то, что этот кто-то ни под каким предлогом не собирался уходить. Но ведь я никого не ожидал. Я никогда никого не ожидал. Никто из моих коллег по работе не знал где я живу. Да и что им, собственно говоря, от меня могло понадобиться? Большинство из них даже имени моего не знали. Перед тем как со мной заговорить, они всегда смотрели надпись на моём бейджике, после чего сразу смотрели мне в глаза, видимо надеясь на то, что я этого не замечаю. А я делал вид, что я этого не замечаю.

Собственно говоря, никто ничего не знал обо мне кроме того, что я работаю уничтожителем чужих писем. А я никогда не знал, чем занимались мои коллеги. Я работал в научно-исследовательском центре. Большинство из тех людей, которые здесь работали пытались усовершенствовать человека. Сделать человека универсальной производительной машиной. Я же считал, что было бы не плохо, если бы эти псевдоучёные попытались сделать человека не настолько одиноким.

К моему большому счастью, я всегда работал один. Каждый день я приходил в маленькую комнатку четыре на четыре метра. На столе меня всегда ожидала огромная куча писем, сваленных в

одну большую кучу никому не нужных мыслей.

Моей задачей было уничтожать корни человеческой робости и страха. Здесь я проработал на протяжении всей своей жизни. Вот такая у меня была работа. Поначалу я переживал, что когда-нибудь эти письма перестанут приходить, тогда я останусь без работы. Но такого никогда не случилось. Письма приходили регулярно.

Если письмо не находило того, человека, которому оно было адресовано, то такие послания приходили прямым ко мне. Люди далеко не всегда хотят знать. Возможно, что это одна из главных проблем во взаимоотношениях между людьми.

Если какой-нибудь человек отказывался принимать письмо, то его отдавали мне, и я должен был уничтожить это письмо. Забавно, как много людей не хотели даже взглянуть на содержимое конверта. Но они имели на это полное право.

Я работал уничтожителем писем на протяжении сорока пяти лет. Мне никогда не было знакомо слово кризис. За мою работу, конечно, не платили много денег, но я знал, что работой буду обеспечен до конца своей жизни. То чем я занимался меня вполне устраивало. У меня никогда не было больших амбиций или каких-то грандиозных планов на свою жизнь. Пожалуй, я никогда не задумывался о чём-то подобном. Всё,

что мне было нужно, так это наличие минимального комфорта и, пускай даже совсем мизерные гарантии того, что завтра у меня всё ещё будет место, куда я смогу прийти и выполнять свои обязанности.

За время своей работы я не раскрыл ни одного письма ради собственного интереса. По большому счёту, потому что мне было всё равно. Это были письма в которых люди длинными монологами изъяснялись о том, какие ошибки и погрешности они совершали при жизни. Они писали эти письма для своих родственников, знакомых или друзей, но при жизни эти письма так и не были доставлены по адресу. Кому-то было трудно посмотреть в глаза правде. Особенно, когда понимаешь, что тем людям с которыми ты прожил всю свою жизнь, было что от тебя скрывать.

Это были письма — признания. А признаться в том, что ты совершил бывает весьма трудно. Даже если ты делаешь это при помощи письма.

Перед тем как погрузится в сон, обычно я много думал о своей работе.

Прошло несколько минут. В дверь больше никто не стучал. Я старался не шевелиться, видимо, эти люди осознали, что здесь их никто не ждёт и ушли прочь. Люди осознали, что здесь их никто не ждёт и ушли прочь. Но внезапно в дверь снова раздался громкий стук в дверь. Меня не покидало чувство, что мне вот-вот вынесут дверь.

Я вспомнил всех своих врагов и друзей. Словив себя на мысли о том, что бояться мне, по сути, некого я немного успокоился. Большая стрелка часов показывала, что сейчас пол шестого утра. Интересно, кого могло занести в такую рань? Но самое странное было то, что ко мне впервые за сорок пять лет моего непрерывного существования, кто-то постучался. Обычно люди приходили только к моей покойной жене.

— Минуточку, — ответил я. Надевая при этом халат, который валялся на полу. Стук прекратился, но ненадолго. Через несколько секунд опять постучали. Скорее всего, что это было, что-то очень срочное. Наверное, опять протекает труба, и я заливаю соседей снизу. Похоже на то, что сейчас мне впервые придется с ними встретиться.

Всё, что я о них знал, так это то, что у них есть ребёнок, который постоянно орал и плакал. Из-за него мне даже пришлось купить беруши. Когда этот ребёнок плакал никто даже не пытался его хоть как-то утихомирить. Я думал только об одном, когда этот ребёнок уже побыстрее вырастет, и они отдадут его в армию. И плевать я хотел на то, что, скорее всего, это была девочка.

Я надел тапки не на ту ногу, так как всё ещё был очень сонным и подошёл к двери узнать, кто тот отчаянный смертный, посмевавший разбудить меня в такую рань. В своей голове я пытался

подобрать несколько эпических фразочек, которыми я послал бы человека, посмевшего нарушить мой драгоценный сон. Но как только я открыл дверь, моё сонливое состояние мигом исчезло. Передо мной стоял угрюмый страж правоохранительного порядка, которого я видел впервые в своей жизни. Если бы я когда-либо видел его до этого, то наверняка запомнил его мрачное лицо. Он, ткнув мне в лицо удостоверение, сказал:

— Собирайте свои вещи, господин Валовски.

После этой фразы меня охватил страх. Я стоял как вкопанный. Меня больше ничуть не смущал тот факт, что на мне был только клетчатый халат и рваные тапочки.

Я не знал стоило ли мне выполнить то, что говорил мне этот человек или резко захлопнуть дверь и выпрыгнуть из окна девятиэтажного дома. Я не знал в каком случаи у меня будет больше шансов на то, чтобы выжить. После появления этого человека на пороге моей квартиры, я попытался прокрутить в своей голове все возможные и даже вымышленные убийства, кражи, акты притуплений, вандализма и насилия, которые я мог совершить за последние несколько дней. Но вспомнив, что за последнее время я ничего подобного не совершал, тут же ответил:

— Но ведь я ничего не сделал... Я чист, — промямлил я.

Но было похоже на то, что этому полицейскому было наплевать на то, что я до него пытаюсь донести. Вдруг из-за его спины появилось двое ребят. Они подхватили меня под руки и затащили в машину.

Я даже не пытался оказывать никакого сопротивления. Я покорно сидел в машине и ждал, когда меня привезут на какой-нибудь пустырь, а потом закопают, как пса у которого обнаружили бешенство.

Кажется, мой внешний вид их ничуть не смущал. Меня посадили на заднее сидение машины и два толстяка зажали меня с обеих сторон. В машине почти не оставалось места даже для того, чтобы дышать.

Когда мы ехали, я старался ни о чём не думать. Не знаю сколько времени я вот так провёл в машине. Машина вдруг остановилась и мне приказали выйти. Я был уверен, что сейчас моей жизни придёт конец.

Мы шли по длинному неосвещённому коридору. Капли несинхронно капающей воды придавали обстановке более мрачную атмосферу. Казалось, что по этому пути я шёл вечность.

Но внезапно мы вышли в хорошо освещённое помещение. Я осмотрелся по сторонам. Это был зал суда. На лаве подсудимых я увидел знакомого мне человека. Но кто именно это был я разобрать не

мог. Этот человек находился на слишком далёком от меня расстоянии.

Его лицо казалось мне настолько знакомым, что если бы у меня была возможность увидеть его с более близкого расстояния, то я наверняка бы его узнал. Молодой человек был в чёрную епанчу. Он сидел, скрестив руки на груди. Я видел только его руки, но ним можно было сказать, что это был юноша.

В зале суда было много народу. И все галдели настолько громко, что судье пришлось несколько раз использовать судейский молоток для того, чтобы попытаться утихомирить кровожадную публику.

Когда в зале наконец-то воцарила тишина, судья обратился к подсудимому:

— Расскажите нам, пожалуйста, всё по порядку. Как всё происходило.

И с какого момента к вам пришло осознание того, что вашим телом кто-то завладел?

— Я давно для себя решил, что не нуждаюсь во внешнем мире. Я знаю, что творческие люди для многих иногда могут казаться просто сумасшедшими. Я знаю, что вы, скорее всего, сочтёте меня умалишённым, но вот только её это не остановит. Вы должны мне помочь. Иначе она убьёт всех в этом городе. Мне наплевать, что обо мне сейчас подумают другие люди, но её нужно

остановить.

— О ком вы сейчас говорите, молодой человек?

— Это Вдохновение. Это она убивала всех тех людей, которые изображены на моих картинах.

— Можете ли вы описать, как она выглядела?

— Её запястья были очень тонкие. Кожа бледная, полупрозрачная. Она лишь намёк на жизнь. Она лишь полутлеющее существо...

Я подумал о том, что все мы ищем то, чтобы нас вдохновляло. То, что помогало бы жить. Но о каком вдохновении идёт речь? Суть их диалога мне была неясна.

Я сидел на самом последнем ряду, но мне всё равно было непонятно, что я здесь делаю. Почему меня сюда притащили. Но на мои вопросы никто отвечать не собирался. Я продолжал внимательно наблюдать за происходящем.

Глава четвёртая

— Итак, может быть, теперь вы поведаете нам, как подобное вообще могло произойти? — спросил судья.

— Для меня творчество всегда было чем-то, без чего я не представлял своей жизни. Но сейчас, впервые в моей жизни, то, что я делаю начало меня разрушать. Но я клянусь вам, что я никого не

убивал! Она захватила моё тело и теперь делает со мной всё, что только пожелает. Я с трудом могу вспомнить даже события вчерашнего дня. Я больше так не могу. Пожалуйста, помогите мне. Я чувствую, что нахожусь на грани безумства. Пока что я ещё в состоянии Её контролировать. Но это ненадолго. Я больше не отдаю себе отчёт в том, что я делаю. Я не могу объяснить причину собственных поступков. Я не могу контролировать собственные поступки, желания. У меня больше нет собственной воли.

— А как так получилось, что кому-то удалось завладеть вашим телом?

— Понимаете, в этом мире много талантливых, я бы даже сказал, гениальных людей. Я даже немного завидовал тем, у кого всё получалось так, как им самим это было нужно. Я не хотел быть всего лишь очередным художником. Тем человеком, который рисует только для того, чтобы не умереть с голоду. Понимаете, я хотел создавать настоящее искусство. Я хотел рисовать картины, на которых краски никогда не меняют свой цвет. Работы, которые не бледнут со временем. И которые навсегда остаются в памяти тех, кто увидел их однажды.

Но то, что у меня в итоге получалось меня самого никогда не удовлетворяло. Большую часть из того, что мне всё таки удавалось заканчивать я

безпощадно трощил, после чего выбрасывал куски холста на помойку.

Я не мог заниматься искусством только ради денег, но прекратить рисовать я не мог. Возможно, что это было заложено во мне генетически. Как говорила моя мама, мой отец был художником, но он спился так и не дожив до сорока лет. За всю свою жизнь я его так ни разу и не видел. Но, пожалуй, это не так уж и важно.

Каждый раз, когда я приходил в картинные галереи, то меня ни на минуту не покидали мысли о том, что все, что висело на стене, не представляло собой ничего нового. Я всё это уже где-то видел. Зал был переполнен копиями. Единственное отличие заключалось в рамке и подписи художника в правом нижнем углу. Но я отчётливо понимал, что когда начинаю свои работы, то применяю в своей работе всё те же приёмы и средства, что и большинство. Это всё уже было кем-то сказано, или кем-то сделано задолго до меня. Это всё уже было. Эта мысль никак не давала мне покоя. Я думал, что смысл всей моей жизни заключается в том, чтобы придумать что-нибудь такой, что бы стало поворотным моментом в мировой живописи. Но я не был способен на что-нибудь подобное.

От одной мысли о собственной незначимости я не мог уснуть несколько ночей подряд. А в голове у меня всё это время роились тысячи

саморазрушительных мыслей. Словно мой собственный внутренний голос изо дня в день нащёптывал мне:

— Ты никогда и ничего не сможешь дать этому миру. Твоя роль в этом мире — мизерна и твоя жизнь пройдёт так никем и незамеченная. Ты словно ничего не значащая пыль.

Как же трудно порой уживаться с ощущением собственной незначимости.

Я просто хотел быть художником. Но хотел ли я быть просто художником? Быть одним из многих. Очевидно, что нет. Мне этого никогда не будет достаточно. Наверное, поэтому она и выбрала именно меня.

Глава пятая

Судья объявил о десятиминутном перерыве. Я подумал, что это была отличная идея, так как ощущал себя немного уставшим. Моё полудремлющее состояние легко можно было объяснить с той точки зрения, что начало моего дня было далеко не лучшим. Я окинул глазом всех присутствующих, но на их лицах было не меньше усталости, чем на моём. Меня никак не покидало ощущение того, что какое-то невидимое существо пытается выпить из меня всю мою жизненную энергию.